

© 1999 г.

С.Н. ПУШКИН

ЕВРАЗИЙСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА ЦИВИЛИЗАЦИЮ

ПУШКИН Сергей Николаевич - доктор философских наук, профессор кафедры философии Нижегородского государственного педагогического университета.

В современной социальной мысли и в общественной жизни в последние годы определенную роль стала играть евразийская идея. Рассматривая ее движение, исследователи обозначают основные этапы развития евразийской идеи. При этом они, как правило, указывают конкретных носителей данной идеи: предшественников евразийцев, классических евразийцев - мыслителей-эмигрантов начала XX в., их последователей. Не всегда, на наш взгляд, подобного рода классификация проводится достаточно обоснованно. Так, например, И. Орлова, определяя основных идеологов евразийского движения, перечисляет: "Н.Я. Данилевский и другие", "евразийцы - русские эмигранты", "Н.А. Назарбаев и ряд интеллектуалов"¹. С подобной классификацией в полной мере согласиться трудно. Первый и третий этапы развития евразийской идеи нуждаются в уточнениях.

Конечно, у серьезных идейных движений, каковым является и евразийство, имеются и серьезные идейные предшественники. Однако к ним весьма сложно отнести неославянофила Н. Данилевского, утверждавшего, что объединенной Европе способно противостоять только объединенное Славянство. Разочаровавшийся в славянских народах К. Леонтьев - фигура для этого значительно более подходящая. Предлагая славянам активнее сливаться с азиатскими народами, он создает концепцию не славянской, что собственно и предпринял Данилевский, а славяно-восточной цивилизации. При этом К. Леонтьев полагал, что славяно-восточная цивилизация имеет реальные перспективы для развития в славяно-азиатскую².

Что касается современных евразийцев, то большинство из них следует считать все же не неоевразийцами (к их числу можно причислить, пожалуй, только Л. Гумилева), а постевразийцами. Ибо, стремясь в первую очередь к реализации своих интересов, они не столько развивают, сколько отрицают многие идеи классического евразийства. Современное евразийское движение представлено идеологами самых разных ориентаций - от А. Сахарова до Г. Зюганова. Поэтому говорить в настоящее время о сколько-нибудь согласованном евразийском движении было бы неверно. Вместе с тем определенная духовная преемственность между классическим и современным евразийством все же существует. Изучение идей мыслителей начала века - чему посвящена данная статья - позволит более глубоко и всесторонне оценить и во многом схожие концепции конца века, среди которых цивилизационные становятся все более популярными.

Взгляды евразийцев на цивилизацию сформировались в среде русской интеллигенции, эмигрировавшей из страны после революции. Сам же термин "евразийство" в научный оборот ввел один из основоположников этого движения Петр Николаевич Савицкий (1895-1968). Рядом с ним обычно выделяют Николая Сергеевича Трубец-

кого (1890-1938), а также Петра Петровича Сувчинского (1892-1985) и Георгия Васильевича Флоровского (1893-1979). Вскоре к ним присоединяются Георгий Владимирович Вернадский (1887-1997), Лев Платонович Карсавин (1882-1952) и некоторые другие.

В исходных воззрениях евразийцы полагали, что "все цивилизации являются в некоторой степени результатом географических факторов"³. Именно в этой связи они и обосновывали важнейшее для себя понятие "Евразия". Это три равнины: Восточно-Европейская, Западно-Сибирская, Туркестанская. Евразия — отнюдь не объединение Европы и Азии, не их "социоисторическая комбинация", а особый континент. "Вместо обычных двух на материке "Старого Света" мы различаем три континента: Европу, Евразию и Азию..."⁴, - выразил общевразийскую точку зрения П. Савицкий.

Для этих мыслителей Россия не просто страна в ряду других крупных стран Европы и Азии. Россия-Евразия - это единая мощнейшая цивилизация. Для них совершенно произвольно, неверно, ошибочно разделение России на две части - Европейскую и Азиатскую. Ибо Уральские горы не столько разъединяют, сколько объединяют евразийскую территорию. И по ту, и по другую сторону от Урала находятся те же самые почвенно-ботанические и климатические "зоны тундры, лесов и степей, сыгравших одинаково важную роль в развитии русского народа"⁵, - высказывается Г. Вернадский. Подтверждением этому является изображение евразийцами Евразии в виде достаточно четко обозначенных полос горизонтально разделенного флага.

Такое флагоподобное построение, во многом обусловленное вегетационными периодами растительного мира и плодородием почв, имело у евразийцев некоторые индивидуальные отличия. И если Г. Вернадский, например, насчитывал зоны тундры, леса, степи и пустыни, то Н. Трубецкой - тундры, леса, степи и гор. Но так или иначе и тот, и другой особое внимание обращали на "две доминанты культурной модели, на которой, - заявляет Г. Вернадский, - основывается русская цивилизация"⁶, образовавшаяся в центральных зонах - леса и степи.

Здесь, по убеждению евразийцев, получило развитие невиданное нигде более братство народов, их тяга к политическим, экономическим, культурным объединениям. Ведь сама евразийская природа, по мнению Н. Трубецкой, постоянно подталкивала эти народы к объединению в единое государство, в котором бы формировались и взаимообогащались различные национальные культуры. "Евразийский мир, - писал он, - представляет из себя замкнутое и законченное географическое, хозяйственное и этническое целое, отличное как от собственно Европы, так и от собственно Азии. Евразия объединила населяющие ее народы в одно целое. При этом лес, как правило, был представлен славянами, а степь - туранцами - народами "урало-алтайской группы".

Уже во время медного и бронзового веков вся степная зона, по Савицкому, была заселена названными по типу захоронения культурами "скорченных и окрашенных костяков". Между степью и лесом начинают складываться различного рода связи. Формируются этносы, отличающиеся характерными особенностями. И нет ничего удивительного в том, что различия, например, между русскими и бурятом вполне очевидны. Однако, утверждает Н. Трубецкой, "между этими крайними точками существует целая непрерывная цепь промежуточных переходных звеньев"⁷. А поэтому Евразия может рассматриваться не только как географическое, этнографическое, но и как антропологическое целое.

В русских жилах вместе со славянской течет и туранская кровь. Характер русского народа имеет сходство с национальными особенностями как славянского запада, так и туранского востока, хотя между ними имеются и серьезные отличия. И тем не менее русские ближе к Востоку, чем к Западу. В этой связи даже их основывающиеся на византийских традициях склонности к созерцательности, обряду "совершенно чужды другим православным славянам и скорее связывают Россию с православным востоком"⁸. Так же как и весьма положительно принимаемая русскими удаль своих героев.

Евразийцев возмущало, что этнические корни русского народа рассматривались нашим образованным обществом как исключительно славянские. "Мы склонны были всегда выдвигать наше славянское происхождение, замалчивая наличность в нас туранского элемента, даже как будто стыдясь этого элемента. С этим предрассудком пора покончить"⁹, - писал Н. Трубецкой. Усматривать в туранском влиянии исключительно негативные черты, с точки зрения евразийцев, неверно. Русский народ должен гордиться туранскими корнями отнюдь не в меньшей мере, чем славянскими. Без этого нельзя выработать ни личного, ни национального самосознания. И, конечно, великая историческая миссия России - объединение не только славян, но и туранцев.

Таким образом, в отличие от славянофилов, которые, по существу, отождествляли русских и славян, для евразийцев русские - это единство славянского и туранского этносов. Своеобразие, неповторимое единство, а не механическое соединение. "Надо осознать факт: мы не славяне и не туранцы (хотя в ряду наших биологических предков есть и те и другие), а - русские, - утверждали наши мыслители и уточняли. - ... Мы должны констатировать особый этнический тип, на периферии сближающийся как с азиатским, так и с европейским..."¹⁰. Подобного рода рассуждения неизбежно подводили их к выводу, что русские - не европейцы и не азиаты (туранцы), а евразийцы.

По утверждению Г. Вернадского, русский народ начал свое историческое развитие между III и IV в. Первоначально он занимал небольшой западный регион Евразии. Не честолюбивые желания политиков, а "необоримая логика географии, которая лежит в основе всей истории"¹¹, порождала неудержимую тягу русского народа на Восток. Вместе с тем евразийцы активно выступали против концепции насильственной ассимиляции, культурного обезличивания туранских народов со стороны славян. Русская нация сформировалась "путем братания русских с инородцами". Осуществлялась и добровольная русификация туранцев, и добровольная туранизация русских - образовался своеобразный "национальный русский тип".

Очевидно, что географические и исторические факторы у данной группы мыслителей были в достаточной мере взаимосвязаны и взаимообусловлены. "В евразийстве, порожденном необычайно острым чувством дома, - справедливо отмечают В. Козловский и И. Савкин, - слились боль утраты родины с беспокойством за будущность России, за ее историческое предназначение"¹². В данном идейном направлении, сформировавшемся в эмиграции, патриотизм к истории своего народа, ностальгия по России не могли не восприниматься в географических образах. Перенаселенная, лишенная русских широты и простора Европа не стала родной. И ландшафты, и люди ее были чужими. Евразийцы, мечтавшие о великом историческом будущем России - Евразии, постоянно высказывали идею о важности сохранения "месторазвития", представляющего, по их мнению, симбиоз исторического и географического мира. Данное понятие, впервые введенное в научный оборот П. Савицким, включало в себя и этнические, хозяйственные, экономические, политические, культурные и некоторые другие факторы.

Для евразийцев Россия - Евразия в первую очередь целостное и обособленное месторазвитие. Они призывали рассматривать ее как единую историческую и географическую среду, ландшафт, но не как особые, хотя и соприкасающиеся миры¹³. При этом понятие "месторазвитие", по словам П. Савицкого, близко понятию "культурно-исторический тип", сформулированному Н. Данилевским. И классификация культурно-исторических типов должна, по Савицкому, основываться на классификации месторазвитий, что неизбежно определило бы их "иную систематику", уточняющую положения Данилевского. Развивая его взгляды, П. Савицкий определил три месторазвития Старого Света - переднеазиатское и североафриканское, средиземноморское, европейское. И добавил: "Ряд культурно-исторических типов, намеченный Н.Я. Данилевским, продолжим *культурно-историческим типом евразийским*. И в этом продолжении опрёмся, между прочим, на то, что евразийскому типу отвечает

точно определенное, своеобразное "месторазвитие"¹⁴. Ибо П. Савицкий, как и другие евразийцы, был убежден, что каждый культурно-исторический тип, цивилизация может развиваться только в собственном месторазвитии.

Важнейшей особенностью месторазвития было свободное объединение и обширных географических пространств, и населяющих их этносов. Эти мыслители были убеждены, что данное месторазвитие основывалось мирным общежитием славян и туранцев, развивающихся в гармонии с окружающей их средой. При этом евразийцы указывали на современные им народы Европы и Азии, сориентированные, как им представлялось, исключительно на эгоистические интересы. В отличие от них "евразийское "месторазвитие", по основным свойствам своим, причает к общему делу, указывал П. Савицкий: "Назначение евразийских народов - своим примером увлечь на эти пути также другие народы мира"¹⁵. Россия - Евразия призвана быть образцом интеграции. Поэтому она должна отказаться от нередко использовавшихся ранее методов насилия для объединения народов.

Таким образом, евразийцы придавали большое значение в историческом процессе географическому фактору. Оппоненты обвиняли их в "географическом детерминизме" и даже в "географическом материализме". Однако если бы это было так, возражали наши мыслители, все сводилось бы к "географическому монизму", абсолютизирующему географическое начало в истории. Но "концепция "месторазвития" сочетается с признанием множественности форм человеческой истории и жизни, - определял П. Савицкий, - с выделением, наряду с географическим, самобытного и ни к чему иному не сводимого духовного начала жизни"¹⁶. Поэтому евразийцы называли себя "осознателями" национального своеобразия. Они обращали самое пристальное внимание на его различные формы. Так, например, выбор русским народом своего месторазвития, по их убеждениям, был обусловлен не только природной средой, но и волей Бога.

С IX-X вв. этим процессам активно способствует христианизация Руси - фактор, обусловивший важнейшие особенности дальнейшего развития нашей истории. Евразийцев отнюдь не смущало, что христианство было воспринято от Византии, а не от туранцев. "Само отношение русского человека к Православной вере и сама роль, которую эта вера играла в его жизни, были в определенной части основаны на туранской психологии"¹⁷, - писал Н. Трубецкой. Именно симбиоз православной веры с туранской психологией явился идейной основой, на которой возникла и развивалась отечественная цивилизация. Евразийцы, будучи искренно верными православию, утверждали, что религии нехристианского Востока русским перенимать, конечно, нельзя. Однако им следует позаимствовать их отношение к религии, пусть даже, с православной точки зрения, эта религия и есть сатанинское лжеучение.

Очевидно, что "исход к Востоку" для евразийцев не означал замены (хотя бы и частичной) православия одной из восточных религий или их унию. Они были убеждены, что только в православии возможно спасение души, обретение после смерти райской жизни, что есть несравненно более высокая ценность, чем земная жизнь. Вместе с тем евразийцы сокрушались о том, что христианские истины для большинства православных утратили изначальное значение, тогда как в Индии, например, трепетное и уважительное отношение к религии - всеобщее жизненное правило. Поэтому, "не изменяя ничего в догматической сути нашей веры, восточного Православия, мы должны, - призывал Трубецкой, - эту веру сделать таким же центром жизни, каким для индуса является его вера"¹⁸. Она должна быть не суммой отвлеченных формул, а стать важнейшим основополагающим фактором повседневной жизни.

В этой связи евразийцы активно разрабатывали концепцию "бытового исповедничества", главной целью которой было преодоление отчуждения православия от жизни и быта русского народа. Для них "бытовое исповедничество" - византийское христианство, когда оно, по определению Н. Трубецкого, еще не было "предметом сознательного теоретического мышления", а являлось "подсознательной базой всей

духовной жизни". Подытоживая подобного рода утверждения, Г. Флоровский заявлял: "Православие есть нечто большее, чем только "вероисповедание", - оно есть целостный жизненный идеал, сложная совокупность оценок и целей... И чтобы стать "русским", действительно необходимо "быть православным"¹⁹. Только при таком отношении к православию большинства русских людей, по убеждению евразийцев, можно надеяться на создание великой культуры, так как безрелигиозным может быть лишь нечто ничтожное.

Однако несмотря на то, что основные отличия между различными культурами евразийцы усматривали в сфере религиозной, при создании отечественной культуры они призывали ориентироваться и на нерелигиозные ценности, к которым стремятся, которыми живут люди. Критикуя весьма неудачную практику христианизации "туранского востока", Н. Трубецкой предлагал не ограничивать развитие русской культуры православными рамками. "Необходимо, чтобы русская культура не исчерпывалась восточным православием, - внушал он, - а выявляла бы и те черты своей основной народной стихии, которые способны сплотить в одно культурное целое разнородные племена, исторически связанные с судьбой русского народа"²⁰. Азии, по его мнению, присуща лишь "языческая немощь", неискаженное развитие которой вполне может привести к истинному христианству (православию).

Евразийцы писали, что до середины XI в. восточное христианство мало чем отличалось от христианства западного. И это не только не отделяло Россию от Запада, но, напротив, весьма широко и активно интегрировало ее пока еще в единую христианскую цивилизацию. "Все основные элементы византийской цивилизации перешли в Россию вместе с церковным учением, и, хотя переделанная культура достигла народа после многих изменений, она заложила основу для тесной связи между Европой и Евразией"²¹, - отмечал Г. Вернадский. Поскольку "духовный разлом между Константинополем и Римом" не приобрел еще антагонистического характера, Русь установила тесные связи не только с Византией, но и с Западной Европой.

Однако объединительные процессы единого христианства сменились конфронтационными взаимоотношениями христианства разделенного. Рассматривая православие как единственный "чистый вид подлинного христианства", за который "вся Русская земля" должна постоянно благодарить Бога, наши мыслители резко отрицательно характеризовали и католицизм, и протестантизм. По их убеждениям, первый, являясь "доказательной силой", "кодексом юридических норм", подвержен сатанинскому соблазну земного владычества, во втором же прежде всего выражен "соблазн гордости человеческого ума", "бунт против авторитета".

Итак, истинной цивилизацией, по убеждению евразийцев, может быть только православная, тогда как западная цивилизация для них ложная. А поэтому православные основы нашей отечественной цивилизации в дальнейшем обеспечат ей значительно более эффективное развитие, на что не способна западная цивилизация. Формирование культуры, цивилизация этими мыслителями "связывается с личным религиозным перевоспитанием каждого"²². Данные идеи были, пожалуй, важнейшими в их конкретно-историческом исследовании зарождения, становления отечественной цивилизации. При этом евразийцами так или иначе определяются особенности взаимоотношений Востока и Запада, место в них России.

Несмотря на то, что взглядам на цивилизацию евразийцы отводили явно не первостепенное место, они неоднократно обращались к данной проблеме. П. Савицкий заявлял даже о необходимости разработки классификации различных типов цивилизаций. И предлагал евразийцам реализовывать этот замысел (правда, без заметных реальных последствий) достаточно всесторонне. "...Мы должны установить, - утверждал он, - что оценку большего или меньшего "совершенства" той или иной цивилизации можно производить с разных точек зрения"²³. Основные подходы в определении данной оценки сформулированы им на основе совершенства: идеи о добре и зле, эмпирической науки, устойчивости или силы при столкновениях с

другими цивилизациями. При этом евразийцы склонялись к отрицанию единой мировой цивилизации и присоединялись к теории локальных цивилизаций.

Ориентируясь на идеи ближайших идейных предшественников, они также определяли последовательно сменяющие одна другую "великие цивилизации мира". В "Лекциях по древнерусской литературе" Н. Трубецкой обозначил их как китайскую, вавилонскую, арабскую, египетскую, эллиническую, римскую, византийскую. П. Савицкий упоминает также о цивилизации Месопотамии, т.е. по существу дал вариант, уточняющий наименование вавилонской цивилизации. Однако сколько-нибудь детального рассмотрения цивилизаций прошлого евразийцы не предприняли. По-видимому, они их не интересовали. Внимание евразийцев было сосредоточено на современных им цивилизациях: активно действующей европейской и формирующейся евразийской. В этой связи ими, в частности, отмечалось, что европейская цивилизация, хотя и "в видоизмененном многими тысячелетиями виде", получила "осязательное начало" от цивилизаций Месопотамии и Египта. На евразийскую же цивилизацию не могла не оказать влияние "непосредственно выросшая из эллинической" византийская цивилизация²⁴.

Вместе с тем наши мыслители отмечали влияние эллинизма не только на евразийскую, но и на европейскую цивилизацию. Хотя на Запад, указывал, например, Н. Трубецкой, "эллинизм проникал лишь через сито римской цивилизации, которая все упорядочивала и иссушала; затем вместе с римской цивилизацией эллинизм был разрушен германскими племенами и начал вновь действительно проявляться уже позднее и постепенно. В Византии, напротив, эллинистическая традиция не прерывалась никогда". При этом он уточнял, что речь, конечно, идет не о классическом эллинизме, а о "смешанной эллиновосточной цивилизации", основы которой заложил Александр Македонский. Ее подлинный расцвет произошел только благодаря христианству, вдохнувшему в эту цивилизацию новую жизнь.

Для евразийцев бесспорно, что христианство оказывает серьезное влияние в значительной мере и на европейскую цивилизацию. Однако после его разделения на православие и католицизм последний воспринимается нашими мыслителями как отклонение от христианства. Поэтому приобщенные к европейской цивилизации "новообращенные "туземцы", воспринимающие христианство в перспективе европейской цивилизации и как элемент, при том совсем не самый важный этой цивилизации, оказываются очень плохими, и, во всяком случае, творчески совершенно бесплодными христианами". В результате христианство в европейской цивилизации, утверждали они, отодвинуто на периферию ее интересов, предано забвению.

Вместе с тем евразийцы неоднократно отмечали, что все цивилизации прошлого, включая европейскую средневековую, "в принципе построены одинаково". "Любая из них есть единая гармоническая система, все составляющие которой поддерживают и определяют друг друга: в ней они переплетены и взаимосвязаны"²⁵. Современная же европейская цивилизация структурирована совершенно иным образом. Для нее характерна разобщенность составляющих частей. И если ранее всем цивилизациям, по мнению евразийцев, были присущи, с одной стороны, покой и неподвижность, а с другой - обуздание человеческой индивидуальности, то современная европейская цивилизация, напротив, предрасположена как к подвижности и прогрессу, так и к развитию индивида. Неудивительно, что зараженные современной Европой народы нередко испытывают чувство отвращения к первому типу цивилизации. Всем нероманогерманским (неевропейским) народам, полагали евразийцы, необходимо освободиться от основанных на предвзятости европейских предрассудков.

Наиболее опасным из них, по убеждению евразийцев, было отождествление европейской цивилизации с общечеловеческой. Насаждающие космополитизм европейцы скрывали, маскировали узко этническое содержание этого важнейшего для них понятия. Нероманогерманские народы, воспринимая вместе с европейской цивилизацией и европейскую ее оценку, так или иначе скатывались на позиции европо-

центризма. В этой связи они, по Трубецкому, должны "во-первых, преодолеть всякий собственный эгоцентризм, а во-вторых, оградить себя от обмана "общечеловеческой цивилизации", от стремления во что бы то ни стало быть "настоящим европейцем"²⁶. Все это, обобщает он, можно выразить с помощью двух афоризмов: "познай самого себя" и "будь самим собой". Однако для практической реализации данных идей Россия должна, проделав "коренной переворот" в своем сознании, прийти к выводу, что европейская цивилизация всего лишь цивилизация "определенной этнографической особи", "обязательная" только для романогерманцев.

Всякий неевропеец может достигнуть европейской цивилизации, лишь усвоив, впитав ее дух, иначе он якобы так и останется "варваром". Но приблизиться к ней возможно только через уничтожение многообразия национальных культур. Такое состояние, напоминают евразийцы, человечество пережило в эпоху вавилонского столпотворения. Следовательно, выдавать европейскую цивилизацию за необходимую и желательную для всех народов означает строительство новой вавилонской башни. Основанная на гордыне и безбожии такая интернациональная деятельность явно обречена на неудачу. "В этом главный и основной грех современной европейской цивилизации, - заявляет Н. Трубецкой. - Она стремится во всем мире нивелировать и упразднить все индивидуальные национальные различия, ввести повсюду единообразные формы быта, общественно-государственного устройства и одинаковые понятия"²⁷. Евразийская цивилизация, уничтожая повсюду "своеобразные духовные устои жизни и культуры", опустошает души европеизированных народов. А это не только препятствует развитию творчества, но и возбуждает чрезмерную жадность к земным благам.

Наши мыслители убеждены: непротивление такого рода интернационализации греховно и богопротивно. При обезличивании, упразднении духовной жизни народов любви и братства между ними быть не может. Ибо стремление европейской цивилизации выдать себя за общечеловеческую способствовало лишь одностороннему развитию техники, рациональной науки, эгоистического утилитарного мировоззрения. "Европа, - полагали евразийцы, - купила свое научное и техническое совершенство ценой идейного и религиозного оскудения, - формулирует эту идею С. Половинки». - Над моралью и религией господствует в Европе "воинствующий экономизм", с которым необходима беспощадная борьба"²⁸. Игнорирование европейской цивилизацией духовности порождает "личные эгоизмы", социальную вражду. Утрачивая связи с христианством, евразийская цивилизация неизбежно секуляризируется.

Итак, евразийцы постоянно подчеркивали, что выдавать европейскую цивилизацию за общечеловеческую - значит интернационализировать ее, с чем они согласиться не могли. Идея интернационализации цивилизации может, по их мнению, внушать только помыслы о мировом господстве. В этой связи они нередко вспоминали о Первой мировой войне. "Война смыла белила и румяна гуманной романо-германской цивилизации, и теперь потомки древних галлов и германцев показали миру свой истинный лик - лик хищного зверя, жадно лязгающего зубами"²⁹, - с возмущением писал Н. Трубецкой. Для него очевидно, что надеяться на помощь европейской цивилизации в деле укрепления России по крайней мере наивно. Ведь европейцы рассматривали ее как будущую колонию, и пока эту шестую часть света не разделят или "не отдадут одному из романо-германских царей", мировая война будет в тех или иных формах продолжаться. Европейские державы, которые будут оказывать России помощь, сделают это, по убеждению наших мыслителей, не по филантропическим побуждениям, а в целях ее колонизации.

Понятно, что евразийцев не могли не возмущать заявления о необходимости широкого проникновения европейской цивилизации в Россию: несмотря на ее политическую мощь, в культурном отношении она могла быть только повторением, копией Европы, ее третьестепенным уподоблением. Вклад утратившей самобытность России в мировую культуру мог быть лишь минимальным. "Кому интересны зады европейской цивилизации, - вопрошал П. Савицкий, - когда можно обратиться к передо-

вым ее представителям? И может ли существовать настоящий пафос культурного творчества там, где основной задачей является уподобление этим передовым представителям, где подражательность, а не творчество является законом жизни?"⁸⁰. Все это могло породить лишь пренебрежительное отношение Европы к России. Евразийцев возмущало непонимание или игнорирование данного факта их многочисленными отечественными оппонентами в эмигрантской среде.

Евразийцы критически относились к мечтам большинства эмигрантов о спасении России с помощью европейской интервенции. Совершенно не веря в саму Россию, эти эмигранты более всего боялись старости, болезни Европы, которая не сможет осуществить восточную миссию. "Можно сказать, что до европейской культуры в собственном смысле слова им и дела нет, - пишет Г. Флоровский. - Они преклоняются перед цивилизацией: монокультура и парламентаризм, "американизм" или демократия им во всяком случае дороже Данте, - такие имена они приводят только для прикрытия"³¹. Все они, с возмущением констатировали евразийцы, как правило, обыватели и дельцы, преклоняющиеся перед могуществом одного из наиболее очевидных достижений европейской цивилизации - штыка. Неудивительно, что религиознодуховные, метафизические проблемы, по их словам, преданы забвению. Ибо ради восстановления материального благополучия России следует снизить уровень ее духовности.

Евразийцы были убеждены (хотя и без восторга), что Россия вступает в эпоху утраты независимости, "если только не произойдет чуда". Даже большевики, с евразийской точки зрения, более реальные политики, чем их предшественники, не в состоянии предотвратить западное иго с помощью мировой революции. Ведь "социализм и коммунизм суть порождения романо-германской цивилизации, - высказывает одну из основных евразийских идей Н. Трубецкой. - Они предполагают определенные условия социального, экономического, политического и технического свойства, которые существуют во всех романо-германских странах, но не существуют в странах... не успевших вполне и во всем уподобиться романо-германским странам"³². Поэтому и после "мирового коммунистического переворота" достигшие "вершины прогресса" романо-германцы будут эксплуатировать остальных. России, как и другим неевропейским странам, не имеющим социально-экономических, технических предпосылок для строительства социализма, предстоит быть колонией, но не буржуазных романо-германских стран, а коммунистической Европы.

Наши мыслители приходят к выводу, что Россия как европейская держава себя проявить уже не сможет. Однако то, что она станет колонией, не столько беда, сколько благо для нее. Ведь именно она, выступив на исторической сцене в роли вождя колониального мира, должна возглавить борьбу по освобождению от романо-германского ига. Коммунистическая агитация и пропаганда, заявляли евразийцы, воспринимается исключительно заинтересованно как "национальная проповедь против европейцев". "В сознании значительной части "азиатов" большевики, а с ними вместе и Россия, прочно ассоциировались с идеями национального освобождения, с протестом против романо-германцев и европейской цивилизации"³³, - высказал Н. Трубецкой взгляды евразийцев. Поэтому Россия утрачивает серьезные европейские интересы, азиатская ориентация для нее становится доминирующей и определяющей.

Однако евразийцы сожалели, что в отличие от большинства азиатских стран, уже признавших Россию в роли лидера колониального мира, русская интеллигенция к этому была явно не готова. В своем большинстве она, по их утверждениям, продолжала преклоняться перед европейской цивилизацией и мечтать, что Россия в культурном отношении может во всем уподобиться Европе. И до тех пор, пока русская интеллигенция будет пребывать в подобном рода мечтаниях, Россия не сможет осуществить свою историческую миссию в Азии. Для того, чтобы освобождение колониальных народов произошло, русская интеллигенция должна утвердиться в своей самобытности. В этой связи наши мыслители весьма сожалели, что "боль-

шевики... боятся всякого проявления свободного движения мысли, препятствуют проповеди идей, не укладывающихся в марксистские схемы, и тем самым тормозят умственное и нравственное перерождение русской интеллигенции". А поэтому евразийцы призывали русскую эмиграцию оставить политические игры и активно включиться в работу "по перестройке духовной культуры". Только так, по их мнению, эмиграция сможет "сыграть почетную роль в истории России".

Нельзя не отметить, что в данном случае речь идет об интеллигенции, не только сформировавшейся в дореволюционном прошлом, но и возглавившей в России революционные массы. И первая, и вторая пребывала "во власти европейских предрассудков". Именно поэтому русская эмиграция призывалась к осуществлению духовного переворота в сознании русских революционных интеллигентов. Ведь они - социалисты, а стало быть, "законные дети европейской цивилизации". Зараженные европейским эгоцентризмом "эти вожди восстания "стонущих племен" не только не дают отдельным людям или народам познать самих себя и стать самими собой, но даже, наоборот, заставляют их быть не тем, что они есть, и затемняют их сознание, - писал Н. Трубецкой. - При таких условиях весь истинный смысл народного движения извращается. Никакого освобождения от морального гнета романо-германской цивилизации не получается"³⁴. Ибо избавление от физического угнетения дело эфемерное. Таким образом, согласно евразийцам, революция мало что изменила. Новая власть также была заражена ядом европейской цивилизации, воспринимаемой многими как общечеловеческая. Так и не освободившаяся из-под духовного гнета Запада Россия не может в полную силу творить собственную цивилизацию, ориентированную не на общеевропейского, а русского, евразийского человека, - евразийскую цивилизацию.

Евразийцы не могли не приветствовать стремления царской России защитить, обезопасить себя от Европы. Но заботящиеся вначале о политической, экономической, культурной независимости российские самодержцы вскоре "прельстились самой европейской цивилизацией". Все их попытки переделать Россию по европейскому образцу в конечном итоге усилили ненависть к европеизму, породившему, по словам наших мыслителей, как "капиталистически-буржуазный строй", так и "мировоззрение социализма и экономического материализма". Однако и то, и другое не более чем реализация "духа европейской цивилизации". В дальнейшем данное умонастроение "сменится, - по Трубецкому, - другим, более сознательным, последовательным и радикальным отвержением не только отдельных проявлений, но и самой сущности, самого духа европейской цивилизации"³⁵. И только если этот чуждый России дух будет окончательно отвергнут, она сможет реально создать евразийскую цивилизацию, без которой ее дальнейшее развитие, по убеждению евразийцев, невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вернадский Г. В. Русская история. М., 1997. С. 12.

² Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 154.

³ Вернадский Г. В. Русская история. С. 10-11.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 258, 214.

⁶ Трубецкий Н. С. Верхи и низы русской культуры. Этническая основа русской культуры // Исход к Востоку. М., 1997. С. 221. Ряд исследователей считает, что "нельзя переоценивать азиатскую составляющую евразийства, взявшего себе в название слово, где корень "евро" стоит все же на первом месте, и глубоко ценившего достижения западной культуры". Ключников С. Восточная ориентация русской культуры // Русский удел евразийства. Восток в русской мысли. М., 1997. С. 15.

⁷ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. С. 141.

- ⁸ Евразийство (опыт систематического изложения) // Мир России - Евразия: Антология. М., 1995. С. 256.
- ⁹ Вернадский Г.В. Русская история. С. 12.
- ¹⁰ Козловский В.В., Савкин И.А. "Третий путь" евразийства // Вече. Альманах русской философии и культуры. СПб., 1994. Вып. 1. С. 19.
- ¹¹ Это не случайное "совпадение географического и исторического выводов, возникших независимо друг от друга, - пишет П. Савицкий. - ... Категория "месторазвитие" обосновывает новую отрасль - теософию, как синтез географического и исторических начал..." Савицкий П.Н. Географический обзор России - Евразии // Мир России - Евразия: Антология. С. 227.
- ¹² Там же. С. 232. Следует иметь в виду, что у Данилевского цивилизация не только последняя, завершающая, предсмертная стадия культурно-исторического типа, но и тождественное ему понятие, явление социокультурной жизни.
- ¹³ Савицкий П.Н. Континент Евразия. С. 302.
- ¹⁴ Савицкий П.Н. Географический обзор России - Евразии. С. 232.
- ¹⁵ Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. С. 157. И. Исаев верно подмечает, что, по убеждениям евразийцев, "рождение всякой национальной культуры происходит на почве религиозной..." Исаев И.А. Утописты или провидцы? // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 18.
- ¹⁶ Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. С. 294.
- ¹⁷ Флоровский Г.В. О патриотизме праведном и греховном // На путях. Утверждение евразийцев. М. - Берлин. 1922. С. 277. Пронизанность быта Руси православием характеризовала важнейшую особенность "древнерусского благочестия". Ибо "в русском сознании "вера" не была совокупностью отвлеченных догматов, а цельной системой конкретной жизни. Русская вера и русский быт были неотделимы друг от друга. - подчеркивал Н. Трубецкой. - ... Вера входила в быт, быт - в веру, оба сливались воедино, в целостную систему "бытового исповедничества". - Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. С. 235.
- ¹⁸ Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры. С. 225.
- ¹⁹ Вернадский Г.В. Русская история. С. 19.
- ²⁰ Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. С. 294.
- ²¹ Савицкий П.Н. Континент Евразия. С. 147.
- ²² См.: Савицкий П.Н. Континент Евразия. С. 120; Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. С. 545, 547.
- ²³ Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. С. 547; 338; 545.
- ²⁴ Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. С. 174.
- ²⁵ Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. С. 331.
- ²⁶ Половинкин С.М. Евразийство и русская эмиграция // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. С. 740.
- ²⁷ Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. С. 296.
- ²⁸ Савицкий П.Н. Континент Евразия. С. 100.
- ²⁹ Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. М., 1998. - С. 251. В данном случае Г. Флоровский отходит от часто встречающегося у евразийцев отождествления культуры и цивилизации. Вслед за Н. Данилевским, К. Леонтьевым и некоторыми другими мыслителями, он разделяет, противопоставляет их. Здесь для Флоровского цивилизация обозначает завершающий, конечный этап культуры. После него, по мнению евразийцев, Европу, европейскую цивилизацию, равно как и всякую другую, ожидает смерть, хотя в начале XX в. европейская цивилизация еще в достаточной мере крепка и могуча.
- ³⁰ Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. С. 299.
- ³¹ Там же. С. 301.
- ³² Там же. С. 306; 768.
- ³³ Там же. С. 261. Осознав, что и монархическая, капиталистическая и социалистическая Россия ведут к "духовному порабощению... европейской цивилизацией, к уродованию естественной природы исторической России, - евразийцы неизбежно приходят к выводу, - следует... повести решительную борьбу против европейской цивилизации в ее целом". Там же. С. 260.